

21. Шоломович А.С. Наркотизм как социально-патологическое явление и меры борьбы с ним среди рабочих // Вопр. наркологии: Сб. № 1 / под ред. А.С. Шоломовича. – М., 1926. – С. 45–50.

22. Жоёл Е. Лечение наркоманий: Алкоголизм. Морфинизм. Кокаинизм. – Харьков, 1930.

УДК 94(47).084.5/084.6

Е. Д. Твердюкова*

Persona non grata: частник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг.

В статье рассмотрен вопрос ликвидации частной торговли в СССР. Показывается, что даже в 1934 г. в городах действовали зарегистрированные в финансовых органах торговцы, уплачивавшие налоги. Автор предлагает датировать время окончательного вытеснения частника из легального товарооборота изданием Правил регистрации кустарных и ремесленных промыслов (март 1936 г.).

Article is devoted a question of liquidation of private trade in the USSR. It is shown, what even in 1934 there were the dealers registered in financial bodies paying taxes. The author suggests to date time of definitive replacement of a private trader from legal goods turnover by the edition of Rules of registration of handicraft and craft crafts (March, 1936).

Ключевые слова: СССР, частный торговец, вытеснение, легальный товарооборот.

Key words: USSR, private trader, replacement, legal goods turnover.

В советской историографии с 1930-х гг. господствовало мнение, что в СССР к концу 1920-х гг. государственный уклад полностью заменил частный во всех сферах и отраслях народного хозяйства, в результате чего частная торговля оказалась ненужной. Например, авторы учебно-методического пособия «Экономика и планирование советской торговли» утверждали, что уже к 1931 г. легальный оборот частников, составлявший годом ранее 5,6 % розничного товарооборота страны, был сведен к нулю [11, с. 24]. По их мнению, факт ликвидации частной торговли в законодательном порядке был закреплен постановлением ЦИК и СНК СССР 20 мая 1932 г., запрещавшим иметь в собственности магазины и лавки.

---

* **Твердюкова Елена Дмитриевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет.

Один из авторитетных советских исследователей этой проблемы В.А. Архипов также полагал, что к 1931 г. легальная частная торговля в СССР в профессиональной форме перестала существовать. Она сохранялась только в виде торговли крестьян сельскохозяйственными продуктами, кустарей – изделиями собственного изготовления, а также «случайных лиц» – предметами личного потребления [1, с. 78]. Со ссылкой на юбилейный статистический сборник «Народное хозяйство СССР» он констатировал полное отсутствие в 1931 г. частной торговли в форме предпринимательства.

Схожие взгляды высказывали и современные исследователи. Е.В. Демчик, автор ряда статей и монографии по этой проблеме, датирует период ликвидации частной торговли 1927–1930 гг., когда ряд административных мер был дополнен кампанией по борьбе с сокрытием доходов в форме обысков, арестов частных предпринимателей и их семей, конфискации имущества, достигшей апогея в 1930 г. [5, с. 206–207].

Е.А. Осокина в своей обстоятельной монографии о сфере потребления в годы первых пятилеток фактически обходит стороной вопрос о вытеснении частника с рынка, кратко констатируя, что уже в начале 1930-х гг. с легальным частным производством и патентованной торговлей в основном покончили, в результате чего «остались осколки легального рынка и империя черного» [7, с. 63–64].

По мнению уральского исследователя А.П. Килина, последний (репрессивный) период в отношении к частному капиталу пришелся на 1927–1931 гг. Он полагает, что уже к 1930-м гг. в стране был установлен необходимый с точки зрения партийной номенклатуры «Порядок», а общество стало более управляемо, лишившись такого неудобного и стихийного элемента, как частный торговец. Он делает оговорку, впрочем, что к концу 1931 г. на Урале оставалось 184 частных торговых заведения, которые не играли уже никакой роли в товарообороте [6, с. 29, 31].

Представляется, однако, что политика в отношении частника на рубеже 1920-х-1930-х гг. не может оцениваться столь однозначно. В 1927 г. коллегия Наркомторга СССР разработала мероприятия по регулированию частной торговли. В них предусматривались, в частности, запрет операций частных хлебозаготовителей, снижение отпуска товаров оптовикам, направление продукции кустарей в советскую торговую систему, а не на частный рынок. Между тем в 1928/29 г. только в Москве в порядке оптовой продажи частнику было отпущено товаров на сумму свыше 40 млн руб. В этом участвовали почти все действовавшие в столице синдикаты, тресты, торги, издательства, экспортно-импортные общества. Так, Моссельпром

продал товаров на 4 млн руб., Мосторг – свыше 5 млн, Госиздат – 4 млн и т. д. [2. Оп. 14. Д. 869. Л. 18].

В качестве примера репрессивной политики в отношении частных часто приводится кампания против кожевников, в ходе которой в РСФСР, Украинской и Белорусской ССР с октября 1927 по апрель 1928 г. было закрыто 6 911 кожевенных и 1 133 овчинных предприятий. По 13 губерниям, четырем краевым объединениям и одной автономной области были подвергнуты взысканиям 863 чел., из них 286 торговцев и перекупщиков. Однако СНК СССР предложил ОГПУ пересмотреть в сторону максимального смягчения меры социальной защиты вплоть до полной их отмены, все дела лиц, осужденных в административном порядке за спекуляцию кожевенным сырьем и кожевенными товарами, за исключением дел в отношении лиц, изобличенных в злостной спекуляции. По сообщению прокурора Верховного суда СССР, все дела о кожевниках, высланных по постановлениям Особого совещания при коллегии ОГПУ (1167 чел.), были пересмотрены. В результате 691 чел. был освобожден. Для 290 чел. был сокращен срок ссылки на Урал и в Сибирь с трех лет до одного года, для 105 чел. – с трех до полутора лет, для 25 чел. – с трех до двух лет. Концлагерь заменен на оставшийся срок ссылкой в Сибирь – для 14 чел., сибирская и уральская ссылка заменена высылкой – для 34 чел. Прежнее постановление было оставлено в силе в отношении всего лишь восьми кожевников [4. Оп. 9а. Д. 4. Л. 4, 32].

Закрытие частных предприятий влекло за собой рост недоимок, преимущественно по подоходному налогу. По данным Наркомата финансов СССР, на 1 января 1928 г. они превышали сумму недоимок, числившихся на 1 октября 1927 г. на 12 %. В частности, в 1926/27 г. с частного надлежало взыскать подоходного налога 68 792 тыс. руб., поступило и зачтено было только 30 503 тыс. руб. Вместо 9962 тыс. руб. по налогу на сверхприбыль поступило лишь 3383 тыс. руб. [2. Оп. 7. Д. 797. Л. 3]. В кампанию по взысканию недоимок вовлекались периодическая печать и общественность. По сообщению москвича И.И. Шитца, в апреле 1928 г. в газетах был напечатан список из нескольких сотен фамилий (торговцев, кустарей, владельцев мелких мастерских), состоявших «в долгу» у инспектора. Отдельным лицам и учреждениям предлагалось обнаруживать утаиваемое от обложения имущество за вознаграждение в 2 % от суммы, которая будет взыскана [10, с. 21]. Наркомат юстиции РСФСР в 1930 г. констатировал наличие большого числа жалоб с периферии на порядок проведения подобных кампаний, которые к тому же далеко не всегда оказывались эффективными. Так,

по Дальневосточному краю за частниками числилась общая сумма недоимок в 15 245 тыс. руб., а собрали всего 185 тыс., т. е. 1,2 % [3. Оп. 25. Д. 96. Л. 36]. Поэтому практика проведения массовых рейдов с широким привлечением общественности постепенно сошла на нет.

К концу первой пятилетки охват розничного оборота обобщественными формами торговли должен был составить 91 %. Однако по информации Наркомата финансов темп вытеснения частника обогнал наметки пятилетки. Наименьший удельный вес частник занимал в торговле Северного края (4,5 %), Ивановской области (4,6 %), Московской области (5,7 %), в Сибири (6,6 %), на Урале (6 %). Наиболее ощутимой роль частного сектора оставалась в торговле национальных окраин: в Татарии (16,6 %), Киргизии (37,8 %), Дальневосточном крае (25 %) [4. Оп. 55. Д. 1941. Л. 4]. Все более частный капитал сосредоточивался в тех отраслях торговли, которые не требовали вложения значительных средств (продукты, бакалея, мелкая галантерея). В торговле промтоварами, по оценкам финансовых работников, его деятельность начиналась со злоупотребления и преступления и результатом своим имела понижение реальной заработной платы рабочих, поскольку он «вздувал» цены на дефицит. Поэтому 4 февраля 1930 г. НКФ РСФСР предложил СНК деятельность частника по торговле промтоварами запретить законодательным путем. Помимо этого руководители наркомата предлагали необходимым срочно изменить законодательство в сторону усиления репрессий в отношении неплательщиков налогов и расширения практики конфискации их имущества. По мнению работника НКФ РСФСР Яковлевой, законы (и уголовный кодекс, в первую очередь) следовало пересмотреть с точки зрения скорейшего вытеснения частного капитала, а не ограничения его роста [4. Оп. 55. Д. 1941. Л. 3 об.]. Однако конкретных мер со стороны правительства не последовало. Оно сочло достаточным принятие в сентябре 1929 г. дополнения к ст. 129 УК РСФСР, предусматривавшего уголовное наказание за учреждение лжекооперативов, руководство ими и участие в их работе.

По аргументированному мнению Е.В. Демчик, одним из последствий форсированного вытеснения частного капитала из экономики стало образование так называемых торговых пустынь [5, с. 207]. На одном из заседаний пленума Ленсовета рабочий хлебозавода Югансон сетовал: «Говорится, что мы частника вытесняем с рынка. Закрывали лавки и кончено. Понятно, это очень просто закрыть лавки, а в воскресенье стой в очереди в кооперативе и все тут» [9. Оп. 11. Д. 11. Л. 28]. В Воронеже, например, с июля 1929 г. прекратили дея-

тельность 369 частных фирм, но с октября 1929 по январь 1930 г. открылись только восемь кооперативных магазинов. В то же время в 10 крупнейших промышленных центрах страны на 1 июля 1932 г. было зарегистрировано свыше полутора тысяч частных торговцев товарами широкого потребления, в том числе 151 – в Москве. Финансовые органы располагали следующими сведениями о средних размерах оборотов, доходов и платежей торговцев в столице в 1932 г.: сумма годового оборота при торговле из палаток и лавок – 37 600 руб.; сумма годового дохода с рук, с земли – 5 400 руб., из палаток и лавок 9 400 руб.; суммы налогов при этом составляли соответственно 906 и 17 417 руб. [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 55, 59].

Чрезвычайно интересно в связи с вопросом о дате окончательного вытеснения частника из торговли донесение от 25 декабря 1932 г. председателю СНК СССР В.М. Молотову. Данные Наркомата финансов показывали, что темпы резкого сокращения легальной частной торговли, имевшие место в предшествовавшие годы, с начала второго полугодия 1932 г. приостановились. Данные за 10 месяцев по 22 городам (в том числе по Москве, Ленинграду, Киеву, Ростову-на-Дону, Одессе, Минску) и более полные данные за 11 месяцев, но уже только по 10 городам, давали следующую картину.

На 1 февраля 1932 г. по 22 городам было зарегистрировано 2 398 частных торговцев, по 10 городам – 1590. На 1 июля это соотношение составляло 3 148 : 2 184; на 1 ноября – 3 258 : 1 727. На 1 декабря в 10 городах имелось 1585 легально действовавших предпринимателей. Таким образом, к концу 1932 г. численность частных торговцев (легальных и облагавшихся промысловым, подоходным и прочими налогами) по сути осталась на уровне начала года.

По данным обследования 843 частных торговцев десяти городов на 1 июля 1932 г. 52 из них занимались продажей одежды, обуви, мануфактуры, 257 – галантереи и трикотажа, 30 – игрушек, книг, писчебумажных товаров, 45 – железоскобяных и москательных товаров [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 63].

Безусловно, на рубеже 1920–1930-х гг. деятельность частных торговцев все более смещалась в сферу нелегальных сделок. В значительной степени это обуславливалось незаконным происхождением реализуемых ими товаров. Так, в 1928/29 г. в Свердловске легально действовали 983, нелегально 325 торговцев. В дальнейшем это соотношение изменилось в пользу подпольных предпринимателей: к концу 1931 г. оно составило 57 : 3925, в конце четвертого квартала 1932 г. – 46 : 2041. В Перми в 1928/29 г. легально торговали 512 чел., нелегально – 279, в 1931 г. – соответственно 85 и

1289 чел., в конце четвертого квартала 1932 г. – 11 и 293 чел. [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 117–117 об.].

В первом полугодии 1932 г. по девяти городам СССР (без Москвы и Ленинграда) было составлено 12 394 протокола на нелегальных торговцев, из них 8705 утверждено. Из этого количества 3 198 протоколов касались торговли продуктами (утверждено было 2 159 из них); 5 311 – промтоварами (утверждено было 3 310) [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 64].

Таким образом, за полгода было выявлено в шесть раз больше нелегальных торговцев, чем существовало легальных; в отдельных городах (Ростов-на-Дону, Смоленск, Оренбург) – в 20 и даже в 25 раз. По имевшимся в НКФ данным, в связи с ограничениями (именно этот термин употреблялся в официальных документах наркомата), введенными 20 мая, объем нелегальной торговли во втором полугодии еще более расширился. Борьбу с этим явлением нарком Г.Ф. Гринько считал необходимым возложить на милицию и уголовный розыск. По его мнению, финорганам не следовало продолжать работу по старинке: выявляя перекупщиков и спекулянтов, налагая на них штрафы, облагая налогами, иными словами, подменяя уголовное преследование и фактически покрывая уголовные элементы. После выхода в свет постановления ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. о борьбе со спекуляцией финорганы, по мысли наркома, должны были играть в этом деле подсобную роль, оказывая ОГПУ и милиции содействие в их работе и систематически информируя их об обнаруживаемых в процессе налоговой работы фактах перекупки. Он возражал против обложения налогами оборотов и доходов перекупщиков и спекулянтов, так как это означало бы легализацию их деятельности.

Соответствующий циркуляр НКФ СССР от 2 апреля 1933 г. предписывал финансовым органам перестроить работу. Спекулятивная торговля объявлялась уголовно-наказуемой и не являющейся объектом обложения. Однако отказ от участия в борьбе со спекуляцией провозглашался политической ошибкой. Выявляя в процессе проверки промыслов, обследования рынков тайных и явных перекупщиков и подозрительных дельцов, налоговые инспекторы обязывались немедленно сообщать о них органам милиции. Особые части финорганов по борьбе с «нелегальщиной», а равно осведомительная сеть подлежали немедленной ликвидации. Работникам финорганов категорически запрещалось производить личные обыски граждан, обыски в квартирах и других помещениях, производить личные задержания (аресты).

При обнаружении фактов спекуляции и нелегальной торговли инспектор был обязан потребовать у нарушителя удостоверявшие личность документы и немедленно передать их вместе с обнаруженными товарами органам милиции. Нелегальной торговлей в широком смысле этого слова объявлялась всякая торговля, производимая без выборки установленного регистрационного удостоверения. Причинами невыборки обычно было стремление уклониться от уплаты налогов, а также незаконное происхождение товаров либо торговля товарами, запрещенными к продаже. Методом налогового воздействия (штраф, изъятие товаров в счет исчисленных налогов) могли подвергаться лишь нелегальные торговые операции первого типа.

Борьба с нелегальной торговлей в начале 1930-х гг. чаще всего велась налоговой инспекцией, прибегавшей к содействию милиции и уголовного розыска лишь в случаях выявления торговли товарами незаконного происхождения либо запрещенными к продаже. В некоторых городах (Москва, Ленинград, Казань и ряде других) наряду с обычными налоговыми участками в составе налогового аппарата были организованы специальные участки по борьбе с нелегальной торговлей в пределах всего города, частично пользовавшиеся правами органов дознания.

Организация их, по мнению НКФ, на практике себя не оправдала. Эти участки, не располагая сетью и агентурой уголовного розыска, не в состоянии были иметь регулярное наблюдение за нелегальными торговцами по всему городу или хотя бы району. Предоставление прав органов дознания при отсутствии повседневного оперативного контроля за работой приводило к злоупотреблениям со стороны их сотрудников.

Ввиду этого некоторые финорганы (в частности, Московский городской финотдел) добились организации особых налоговых групп в составе уголовного розыска с особыми уполномоченными в районах. На них возлагались следующие функции: выявление лиц, ведущих нелегальную торговлю, и принятие мер, обеспечивающих уплату налогов, розыск лиц, скрывшихся от уплаты налога, и их имущества, выявление и изучение источников снабжения частных торговцев товарами, установление надзора за работой государственных и кооперативных торговых организаций. Такие группы, имея в своем распоряжении всю сеть уголовного розыска, в то же время находились в повседневной деловой связи с налоговыми органами. Поэтому Наркомфин предлагал повсеместно организовать подобные группы в составе уголовного розыска, пока будет допускаться частная торговля хотя бы в ограниченном размере.

Из многочисленных поступавших в Наркомат финансов запросов можно видеть большой разницей в практике борьбы с частником и недостаточно четкое понимание того, какие виды и объемы торгова являлись после издания постановления ЦИК и СНК от 20 мая легальными, а какие подлежали безусловной ликвидации. В некоторых населенных пунктах запрещалась всякая торговля и изымались все регистрационные удостоверения, даже у кустарей. В других местностях, наоборот, под флагом развертывания рынков борьба с перекупщиками замерла. Были случаи, когда местный прокурорский надзор прямо запрещал финансовому аппарату задерживать торговцев или вмешивался в деятельность налоговых инспекторов, предлагая немедленно возвратить изъятое у недоимщиков-торговцев имущество или сложить начисленные платежи [8. Оп. 10. Д. 320. Л. 1 об.].

Вследствие отсутствия четких указаний НКФ по вопросу прямого запрещения производства и торговли печеным хлебом (хотя бы с лотков и с рук) на местах до декабря 1932 г. вполне легально существовали кустарные промыслы по выпечке хлебных изделий (булочки, вафельщики и пр.) и торговля ими по регистрационным удостоверениям. Например, в Сталинграде действовали промышленные предприятия с громадными оборотами, выпекавшие и продававшие до 1 тыс. булок ежедневно.

По закону о промысловом налоге любая торговля, производимая частными лицами (кроме продуктов личного приусадебного хозяйства и подержанных вещей), подлежала налогообложению, и каждый год эти лица должны были получать регистрационные удостоверения в финансовых органах. В новых условиях для Наркомата финансов СССР особую остроту приобрел вопрос, следует ли оформлять разрешения на торговлю перекупными товарами. Поскольку четкое законодательное запрещение на их выдачу отсутствовало, некоторые местные Советы обвиняли финорганы в недостаточно жестком отношении к торговцам и невыполнении указаний ЦИК и СНК об искоренении частников и спекулянтов. В ряде районов выдача регистрационных удостоверений воспрещалась распоряжениями региональных органов власти (например, в Московской области – полностью на всякую торговлю, в Днепропетровской области – частично на торговлю сельхозпродуктами и др.).

В конце декабря 1932 г. Наркомат финансов СССР внес в Комитет товарных фондов и регулирования торговли при СТО проект постановления о выдаче разрешений на мелкую частную торговлю на 1933 г., предусматривавший запрещение частной торговли перекупными предметами ширпотреба и сельского хозяйства. Предполага-

лось лишь разрешение на мелкую торговлю ограниченным кругом продуктов и товаров (мелкая галантерея, железоскобяные товары, игрушки) с правом местных исполкомов расширять этот перечень. Но в окончательном виде Комитет проект не утвердил. В связи с приближением нового 1934 г. НКФ вновь обратился в Комитет, но вопрос даже не ставился на обсуждение. Поэтому Г.Ф. Гринько был вынужден дать местным финорганам соответствующее указание в порядке ведомственного распоряжения.

8 января 1934 г. нарком обратился к В.М. Молотову с просьбой о скорейшем рассмотрении подготовленного годом ранее проекта, принимая во внимание «политическое значение» вопроса о существовании в СССР частной торговли, хотя бы и самой мелкой [8. Оп. 12. Д. 516. Л. 48]. По данным налоговой отчетности, на 1 октября 1933 г. по 69 крупнейшим городам СССР было зарегистрировано 1400 частных торговцев, из них 9 – в Москве, 39 – в Ленинграде, 16 – в Баку, 72 – в Одессе, 198 – в Тифлисе, 54 – в Днепропетровске, 46 – в Киеве, 12 – в Минске, 43 – в Ташкенте. В бюджете на 1933 г. поступления с промыслового налога были запланированы в сумме 100 млн руб., удалось собрать примерно 60 млн (главным образом, за счет платежей торговцев, привлеченных к налогообложению и штрафам) [8. Оп. 12. Д. 516. Л. 67, 111].

Принятое вскоре постановление Комитета товарных фондов и регулирования торговли предписывало принять предложение НКФ о запрещении финансовым органам выдавать частным лицам разрешения на торговлю перекупными сельхозпродуктами и товарами массового потребления, допустив ее только в рамках предложений наркомата.

10 июня 1934 г. НКФ СССР издал не подлежащую опубликованию инструкцию «О выдаче частным лицам разрешений на мелкую торговлю и занятие пищевыми промыслами». Всем финансовым органам предлагалось выдавать частным лицам разрешения только на следующие виды торговли с рук и лотков: мелкая галантерея (пояса, подтяжки, застёжки, пряжки, пуговицы, шнурки, стельки, булавы, наперстки, бусы, расчески и др.); замазка, сода, синька, вакса и гуталин; мелкие железоскобяные изделия для хозяйственно-бытовых нужд (вешалки для платья, винты, замки, ключи, ножи, вилки, ложки); мелкие щепные изделия (лопаты, метлы, ложки); кустарная глиняная и деревянная посуда; игрушки; фрукты и ягоды, орехи и семечки; прохладительные напитки и сладости; изделия из молочных продуктов (сырки, варенец, простокваша), а также старая одежда и обувь.

Повсеместно запрещалась выдача частным лицам разрешений на занятие промыслами по переработке скупленного сырья, зерна, льна и конопли, шерсти, масличных семян, табака и махорки, хлопка-сырца и хлопка-волокна, коконов шелка, кожевенного и овчинно-шубного сырья.

Выдача частным лицам разрешений на производство пищевых продуктов (булочных, кондитерских, колбасных и пр.) из перекупного сырья и на торговлю пищевыми продуктами из него запрещалась. Исключение делалось для отдаленных районов, в которых производство и торговля могли быть разрешены постановлениями СНК местных республик, краевых и областных исполкомов. Как показала практика, права расширения перечня места почти не использовали. В 13 республиканских, краевых и областных центрах, по данным на февраль 1934 г., было выдано всего 364 разрешения на торговлю. Большая часть из них – на продажу мелкой галантереи (105 разрешений). Кроме того, на торговлю замазкой, содой, гуталином было выдано 50 разрешений, мелкими железоскобяными изделиями – 56, игрушками – 5, прочими промтоварами – 23, фруктами, ягодами, семечками – 115, прохладительными напитками – 1, сладостями – 45, подержанными вещами – 29.

При обнаружении лиц, торгующих с рук и лотков разрешенными товарами без выданного финорганом удостоверения, инспектор массовых платежей был обязан: выяснить личность нарушителя, составить протокол, предъявить требование об уплате установленного законом о промысловом налоге штрафа и оклада налога. В случае неуплаты их на месте инспектор должен был задержать товар у нарушителя и в тот же день сдать его на хранение государственным или кооперативным торговым организациям. Товары подлежали реализации, если налог и штраф не уплачивались в течение трех дней, а вырученные суммы обращались в их погашение.

Если торговля производилась из палаток (лавок) или изделиями запрещенных промыслов, инспектор прежде всего выяснял личность торговавшего. Если он оказывался кустарем, на него налагался штраф и начислялся промысловый налог. О прочих лицах сообщалось органам милиции для расследования и привлечения к уголовной ответственности, задержанные товары реализовывались, вырученные суммы обращались в доход местного бюджета. Начислить налог за торговлю при наличии только косвенных улик (например, показаний свидетелей) было нельзя.

В докладной записке Г.Ф. Гринько указывалось, что за январь – март 1935 г. финорганы Москвы выявили 289 торговцев, 33 лжекустара, 459 спекулянтов, по одному Ярославскому рынку ими было составлено 1787 протоколов. Кустари, работавшие без применения наемного труда, были вправе продавать продукцию на рынках без

обложения налогом. Выбирая регистрационное удостоверение на разрешенный промысел, предприниматель использовал труд кустарей с раздачей им сырья и получением готовой продукции для реализации на рынке как своей собственной. Путем легального наблюдения могли быть установлены лишь косвенные признаки лжекустарничества, например, несоответствие размеров продаваемой ежедневно продукции плановой выработке. Но доказать это было сложно, требовалось наличие нелегальной агентуры (ликвидированной в 1933 г.). Поэтому Гринько предлагал изменить систему реализации некооперированными кустарями своей продукции, разрешив ее через специальные комиссионные магазины с правом определения продажной цены и уплатой определенного процента за услуги по реализации. Основные предложения Наркомата финансов легли в основу опубликованных в 1936 г. Правилах регистрации кустарных и ремесленных промыслов.

Таким образом, политика в отношении частных торговцев на рубеже 1920–1930-х гг. не была лишена противоречий. Государство, взявшее на себя заботу о снабжении трудящихся, вынужденно терпело проявления частной инициативы в сфере торговли. Политические кампании по борьбе с частником буксовали в условиях недостаточного развертывания государственной и кооперативной торговой сети. Поскольку промысловый налог утратил значение самостоятельного платежа, стремившийся избежать двусмысленности положения своих местных органов в условиях провозглашения войны перекупщикам Наркомат финансов СССР инициировал законодательное оформление запрещения частной торговли. Легальная торговля существовала и облагалась налогами по крайней мере до 1934 г. Лишь согласно Правилам регистрации кустарных и ремесленных промыслов от 26 марта 1936 г. запрещались любая частная торговля и торговое посредничество (кроме продажи чистильщиками обуви мелких обувных принадлежностей). Именно изданием этого нормативно-правового акта целесообразнее датировать время окончательного вытеснения частника из легального товарооборота.

Список литературы

1. Архипов В.А. Политика советского государства по отношению к частной торговле и промышленности в период нэпа, 1921–1930 гг. – М., 1982.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-374.
3. ГА РФ. Ф. А-406.
4. ГА РФ. Ф. Р-5446.
5. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. – Барнаул, 1998.
6. Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы НЭПа. – Екатеринбург, 1994.

7. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. 2-е изд. – М., 2008.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733.
9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000.
10. Шитц И.И. Дневник «Великого перелома». – Париж, 1991.
11. Экономика и планирование советской торговли / отв. ред. И.Я. Данильченко. – М., 1939.